

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС. В ТИСКАХ ПРОШЛОГО

Развернутый анонс литературного расследования к 29 сентября - 150-летию со дня рождения писателя-фантаста Герберта Уэллса (1866-1946)

В сентябре 2016 года исполняется 150 лет со дня рождения Герберта Уэллса. В связи с этим в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» пройдет литературное расследование *«Герберт Уэллс. В тисках прошлого»*, в ходе которого читатели чуть больше прикоснутся к биографии английского писателя фантаста. Посмотрят документальный фильм *«Фантасты -предсказатели. Герберт Уэллс»* и вместе подумают о том, почему мать Уэллса мечтала видеть сына приказчиком большого универсального магазина и отчего Бетти никак не давалась торговая наука?

Что явилось толчком к тому, что мальчик «зачитался», выбрал профессию учителя и сам стал придумывать фантастические истории?

Как ему удавалось жить и учиться на стипендию в одну гинею и при этом не умереть с голоду? Почему его тетка, миссис **Мэри**, у которой Герберт жил в Лондоне во времена студенчества и которая его любила, как родного, тем не менее считала молодого человека совершенно неподходящим женихом для своей дочери **Изабеллы**?

Почему распался первый брак Уэллса и при каких обстоятельствах в его жизнь вошла студентка **Эйми Кэтрин Роббинс**, «идеальная женщина» и будущая **Джейн Уэллс**? Чем закончился для нее подвиг под названием «брак с Гербертом Уэлсом»?

Какую роль в жизни писателя играли другие женщины - **Вайолет Хант**, **Дороти Ричардсон**, **Розамунда Бланд**, **Эмбер Ривс**? Почему последняя его любовь **Мария Закревская** - Бенкендорф, баронесса Будберг или просто Мура - так и не вышла за него замуж, несмотря на их роман, продолжавшийся восемь лет?

В мае 1895 года в свет отдельным изданием вышел роман *«Машина времени»*, ранее напечатанный в журналах, в 1896-м - *«Остров доктора Моро»* и *«Колесо фортуны»*, в 1897-м - *«Человек-невидимка»* и в 1898-м - *«Война миров»*. Странные, непривычные, будоражащие романы Уэллса, смесь утопий и трагедии, стали литературной сенсацией.

Но Уэллс обладал дурными манерами и задиристым характером и, будучи уже довольно обеспеченным человеком, по-прежнему торговался за гонорары. Кроме того, ему всегда хотелось быть провидцем и первооткрывателем во всем: в творчестве, в фантазиях, в обустройстве собственного жилища, в любви и даже в способах продажи своих романов.

Как окружающие люди относились к таким амбициям?

Объявив, что поддерживает Первую мировую войну, которая, по его мнению, должна привести к краху насквозь прогнившего капиталистического миропорядка, Уэллс стал в среде выступившей против войны творческой интеллигенции персоной нон грата.

В 1938 году он отказался подписать письмо в защиту немецких евреев, заявив, что они сами виноваты в обрушившихся на них преследованиях. Удостоившись негодующей телеграммы от ранее привечавших его в Америке **Рузвельтов**, Уэллс принялся неловко оправдываться.

Как можно объяснить такое поведение? Что это была за выходка?

Известно, что впоследствии писатель стал одним из самых непримиримых английских антифашистов и даже был включен **Геббельсом** в список лиц «на первоочередное уничтожение», которое планировалось провести после оккупации британских островов. И именно Уэллс написал книгу *«Мистер Бритлинг пьет чашу до*

дна» - пронзительный роман о войне, на многие годы предвосхитивший литературу «потерянного поколения».

Отчего же его взгляды так кардинально поменялись? И почему равновесие по жизни то и дело нарушалось?

Итак.

Несостоявшийся приказчик

Родился будущий писатель в семье бедного лавочника 21 сентября 1866 года. Привыкшая командовать непутевым мужем и тремя сыновьями, его мать, миссис **Сара Уэллс**, была женщиной, что называется, с характером и с принципами. Тщетно промаявшись полжизни в напрасной борьбе за процветание собственной крошечной посудной лавки, она так и не смогла выбиться из нужды: захламленный и пыльный магазинчик в Бромли приносил денег ровно столько, чтобы не умереть с голоду.

Отчаявшаяся Сара была вынуждена на старости лет наняться экономкой в поместье, где когда-то в юности служила горничной. Но мальчики, ее дорогие мальчики! У них в жизни все должно сложиться иначе. Увидеть своих отпрысков приказчиками большого универсального магазина для Сары Уэллс было пределом мечтаний. И скопив ценой немалых лишений необходимые деньги, она вслед за старшими пристроила в учение и Берти, исхлопотав ему местечко в одном из лучших магазинов Саутси...

Джону Кею, старшему администратору мануфактурного магазина Эдвина Хайда, на своем веку пришлось повидать немало молоденьких приказчиков-учеников, но такого бестолкового и медлительного, как Берти Уэллс, он еще не встречал. Вот как это обычно выглядело.

- *Куда провалился этот мальчишка?* - мистер Джон Кей был явно раздосадован. Стопки кружевных крестильных платьиц в витрине отдела были не красиво разложены, а свалены в какую-то бесформенную кучу, из которой то тут, то там торчали небруннанные клочки оберточной бумаги. И это накануне Пасхи...

- *Берти, очнись, мистер Кей опять тебя ищет!*

Услышав шепот приятеля, худой подросток, притаившийся за стеллажом с тканями, очнулся и, вздрогнув, быстро засунул в задний карман брюк растрепанный учебник латыни. Затем он принялся суматошно переключивать рулоны ткани с полки на полку: разгневанный Джон Кей уже входил в комнату.

- *Что это вы делаете, Уэллс?*

- *Я навожу порядок на стеллаже, мистер Кей!* - Берти казалось, что его голос звучит достаточно бодро. Но эта наигранная бодрость не обманула бдительного мистера Кея.

- *Вы занимаетесь сущей глупостью. Бортовку следует класть слева от турецкой саржи, а не наоборот. Оставьте в покое рулоны и вернитесь в торговый зал - вам следует закончить оформление витрины. Не думаю, что вам удастся справиться с этим как следует, но потрудитесь по крайней мере убрать обрывки шпата и оберточной бумаги. Боюсь, что ваша матушка напрасно тратит средства на обучение торговой науке столь нерадивого молодого человека,* - бросил мистер Кей вслед уходящему мальчишке.

Увы, Берти, осознавая свою полную неспособность к хитрой науке под названием «мануфактурная торговля», был с ним совершенно согласен. Однако он гораздо лучше, чем мистер Кей, знал характер своей матери. Тем не менее, не отслужив в магазине Хайда и половины положенного срока, он заявил ей, что хочет расстаться с карьерой торговца.

- *Но как же наши деньги? Ведь я заплатила за твое учение вперед,* - только и произнесла Сара. Найденное им место младшего учителя казалось ей абсолютно несолидным и ненадежным. Она искренне считала, что все учителя сплошь распутники и пьяницы.

Но Берти думал иначе. С тех самых пор, как семилетнему Герберту пришлось провести несколько месяцев в постели из-за перелома ноги, он, как любили говаривать в Бромли, «зачитался». Он читал все без разбора: биографию герцога Веллингтона, историю гражданской войны в США, романы Дюма, естественную историю Вуда и еще десятки и сотни разных книг, которые ему удавалось достать в их маленьком городишке. И чем «умнее» оказывались эти книги, тем больше они нравились Берти.

Все бы ничего, но в среде приказчиков мануфактурных магазинов чтение вовсе не считалось достойным занятием. Что касается учителей, то тут дело обстояло куда лучше: им читать полагалось по долгу службы. О других профессиях, дающих возможность зарабатывать на жизнь чем-либо кроме торговли, Берти в то время как-то не задумывался.

Стипендия в размере одной гинеи

И вот однажды ему по почте пришел конверт, в котором находилось письмо с казенной печатью и оплаченный билет второго класса до Лондона

«Сим имеем честь известить, что вы приняты в качестве учителя-практиканта для прохождения годичного курса биологии в Нормальной школе наук... Всем слушателям полагается стипендия в размере одной гинеи, выплачиваемая еженедельно...»

Недоверчиво разглядывая почтовый конверт, Берти еще раз перечитал написанный на нем адрес. Сомнений быть не могло: письмо предназначено именно ему, Герберту Джорджу Уэлсу, младшему учителю из Мидхерста. Но содержание письма было так необыкновенно прекрасно, что Берти просто страшился ему поверить.

Неужели он и в самом деле будет учиться у самого профессора **Томаса Хаксли**, сподвижника великого **Дарвина**? А ведь еще два года назад ему казалось, что нет на свете человека, чья судьба была бы более безрадостна, чем его собственная... И вот теперь его, восемнадцатилетнего младшего учителя, приглашали пройти курс в настоящем педагогическом колледже, готовившем профессиональных педагогов для английских школ!

В сентябре 1884 года уэлс отправился в Лондон. Город показался ему неприветливым, сумеречным и грязным, с покосившимися закопченными домишками. Сияющие витрины роскошных магазинов, бархатные кресла в партерах театров и концертных залов, уютные ресторанчики, где собирается лондонская богема, - все это было недоступно для студента Нормальной школы наук, жившего на одну гинею в неделю.

Выдавали стипендию по средам, но очень часто Берти вынужден был отказываться от обеда уже в понедельник... А ведь надо было еще платить за комнату, за свет, за стирку. Впрочем, очень скоро он обзавелся новейшим изобретением цивилизации - целлулоидным воротничком, который можно было привести в порядок самостоятельно, протерев мыльной щеткой прямо под водопроводным краном. Именно с этого занятия обычно начинался его день...

Обжившись и осмотревшись на новом месте, Берти понял, что у бедных студентов в Лондоне кроме увлекательных научных студий могут быть и другие, тоже вполне достойные радости.

Ну, например, можно было отправиться в парк послушать, как ораторы обсуждают существование Бога или право собственности, а заодно и самому, расхрабрившись, выкрикнуть пару бойких фраз, услышав которые, в мануфактурном магазине его, без сомнения, сочли бы безумцем. Гроши, сэкономленные на стирке воротничков, иногда тратились им на билеты в Альберт-холл.

И, наконец, можно было, воспользовавшись студенческой льготой, бесплатно отправиться в Национальную галерею. Правда, после визитов в галерею Берти обычно дурно спал. Непривычные виды обнаженной натуры, мимо которых воспитанный в

строгих викторианских традициях юноша проходил смущенно потупившись, в ночной темноте вдруг начинали оживать.

Увы, проснувшись поутру, обтрепанный и вечно голодный студент был начисто лишен даже малейшей надежды на женское внимание. Проститутки стоили немалых денег, а женщины «из общества» худосочным учителем-практикантом как-то не интересовались.

Неподходящий жених...

Намаявшись по меблированным номерам, Уэллс поселился на квартире у тетки, которая тоже сдавала комнаты. Меблирашки тети **Мери** были не лучше других, но жизнь рядом с родными людьми все же казалась Берти приятнее. Иногда в темных аллеях Кенсингтонского парка ему удавалось слегка приобнять и поцеловать свою кузину **Изабеллу**, которую Берти, как заботливый родственник, каждый день встречал после вечерних занятий.

Вскоре они с Изабеллой начали целоваться не только в парке, но и дома, забравшись в какую-нибудь пыльную кладовку или пустующую комнату. Впрочем, после этих поцелуев ему спалось еще хуже...

...- Ты знаешь, Белла, я люблю Герберта как родного сына, но довольно ли будет его жалованья, чтобы содержать семью? К тому же эти его кровохарканья... Не остаться бы тебе вдовой, да еще с младенцем на руках!

Изабелла и сама знала, что матушка права. Но в двадцать пять уже пора всерьез задуматься о замужестве. И двоюродный брат, которого она знала целую вечность, казался ей вполне подходящим женихом.

Во-первых, с тех пор как Герберт получил степень, а заодно и место в заочном университетском колледже, он зарабатывал триста фунтов в год, а что касается кровохарканий, которые время от времени с ним случались, то Изабелла была уверена, что это несчастное наследие голодных студенческих лет. Стоит Берти обрести по-настоящему уютный дом и заботливую жену - и его хвори как рукой снимет. Все эти доводы она постаралась как можно вразумительнее изложить матери.

31 октября 1891 года Изабелла и Герберт Уэллс вступили в законный брак, повенчавшись в ближайшей приходской церкви...

...и неудавшийся первый брак

О том, что у них с Берти разные представления об уютном доме и супружестве, Изабелла стала догадываться, едва закончился медовый месяц. Их милое семейное гнездышко на Холдон-роуд он почему-то возненавидел. А ведь она так гордилась тем, что сумела с помощью зеркал, драпировок и купленной по случаю ореховой мебели превратить свою квартирку во вполне respectable дом! К тому же Берти почему-то все свободное от работы время норовил обсуждать свое великое будущее.

Такие разговоры он и раньше любил, и, будучи его невестой, она терпеливо их выслушивала. Но теперь Изабелле, превратившейся из беззаботной девушки в семейную даму, было не до глупостей: приходилось контролировать служанку, закупать провизию, да еще заботиться о здоровье Берти, которого все еще мучила загадочная легочная болезнь.

Однажды, когда муж в очередной раз лежал в постели, обложенный мешочками со льдом, призванным приостановить кровохарканье, прибежавшая снизу служанка доложила хозяйке, что мистера Уэллса только что спрашивала некая студентка и оставила для него письмо. Однако спустившаяся в прихожую Изабелла ее уже не застала...

Герберт сам попросил жену прочитать письмо вслух. Ничего, кроме изложенных в крайне почтительных выражениях пожеланий скорейшего выздоровления, Изабелла в нем

не обнаружила. Но что-то в лице мужа подсказало ей, что над их семейным гнездом собираются тучи.

Девушку, принесшую письмо, звали **Эйми Кэтрин Роббинс**. Под этим именем в едва начавшуюся совместную жизнь Изабеллы и Герберта вошла будущая **Джейн Уэллс...**

Начало новой жизненной эпохи

С тех самых пор, как в сентябре 1892 года, войдя в аудиторию, где собрались студенты нового набора, он встретился взглядом с бледной кареглазой, очень изящной девушкой, сидевшей за последним столом, Герберта не покидало ощущение, что в его жизни началась новая эпоха. Никто и никогда еще не слушал его так, как мисс Роббинс.

Ему казалось, что самые смелые его мечты, самые дерзкие планы под ее лучистым взглядом, как по волшебству, обретают плоть и кровь. Место преподавателя заочного колледжа - это только начало, он добьется большего, гораздо большего. В нем зреют удивительные замыслы, сюжеты необычайных романов, которые перевернут литературу.

Он начал приносить Эйми свои любимые книги, которые неустанно заботившаяся о порядке в доме Изабелла держала под стеклом в дальнем шкафу. Временами Герберту казалось, что этот пузатый ореховый шкаф похож на склеп, в который жена стремится запереть на ключ его мечты - Изабелла не любила книг и пустых фантазий.

Но мисс Роббинс... О, она даже брала книги по-особенному: бережно и в то же время твердо, как матери берут на руки детей. И в один прекрасный день Герберт понял, что своих будущих детей он желал бы видеть на руках именно этой женщины...

В судорожной попытке сохранить так недавно обретенную семью он еще какое-то время боролся с собой, убеждая и самого себя, и мисс Роббинс, что они не больше чем друзья. Она вторила ему покорно и даже с воодушевлением, знакомилась с его родственниками на правах опекаемой заботливым педагогом ученицы, хотя сама уже давно знала, что вне зависимости от того, какие чувства питает к ней мистер Уэллс, ее чувству к нему можно дать только одно имя - Любовь.

Чтобы оставаться с этим человеком, она была готова на что угодно: пожертвовать репутацией, собственной карьерой и даже превратиться из Эйми сначала в Евфимию, а потом в Джейн. Бог знает почему, но Герберту решительно не нравилось имя, данное мисс Роббинс родителями.

Эйми догадалась о причинах его странных капризов много раньше самого Уэллса. Вместе с сюжетами зреющих романов и картинами собственного большого будущего в фантазиях Герберта исподволь, незаметно для него самого возник и образ некоей идеальной спутницы, женщины, которую он еще не встретил, но которая обязательно придет в его жизнь, стоит ему только назвать ее по имени.

Идеальная женщина Герберта Уэллса

В январе 1900 года, когда Герберт приобрел участок земли неподалеку от Фолкстона, Джейн не была даже беременна. Но планируя вместе с архитектором свой будущий дом, Уэллс решительно настоял, чтобы помимо прочих помещений в нем были предусмотрены несколько детских, комнаты для гувернантки и няни. Он не раз просил строителей переставить дверные ручки пониже, заботясь о том, чтобы до них могли дотянуться малыши. Уэллс был уверен, что с Джейн его ждет бесконечно счастливая семейная жизнь, полная детского смеха и взаимопонимания между супругами.

Переезжая к расставшемуся с Изабеллой Уэллсу, Эйми догадывалась, что ей придется стать не просто подругой, матерью и женой, а Идеальной женщиной, ожившей фантазией Берти. Впрочем, посвятить этой задаче всю свою жизнь она была только рада...

По странной прихоти природы долгое время донимавшая Герберта легочная хворь вскоре после расставания с Изабеллой прошла без следа. Возможно, дело было в том, что

весной 1895 года они с Джейн переехали жить на морское побережье, а возможно, и в том, что отныне он уже не должен был изо дня в день изнурять себя утомительным преподавательским трудом, посвящая недолгие часы отдыха тому, чтобы урывками писать, писать и писать.

Вскоре после их переезда в новый дом Джейн родила. Сначала одного сына, названного **Джорджем Филиппом**, а спустя два года и второго - **Фрэнка Ричарда**. Ее хрупкое тело не было создано для рождения детей. После первых родов Джейн едва оправилась, после вторых ее и без того худощавая фигурка, всегда напоминавшая Герберту фарфоровую статуэтку, к которой и притронуться-то страшно, совсем высохла, черты лица заострились. Она часто хворала, стоически скрывая это от Герберта.

Однако ее стойкость мало помогала - муж все реже оставался в их спальне на ночь. Вскоре он и вовсе переселился в свой обожаемый кабинет, устроенный им, как и весь остальной дом, в соответствии с собственными представлениями о жилище, достойном человека. Здесь не было никаких глупых пузатых шкафов, мещанских безделушек - ничего, что напоминало бы хозяину о домах, в которых он провел детство, юность и годы своего первого, неудачного супружества. Только письменный стол, кресла, невысокие книжные полки.

Спал он, если позволяла погода, на лоджии, справедливо полагая, что его слабым легким полезен свежий воздух. Иногда, вскочив среди ночи, отправлялся в кабинет, чтобы немного поработать. А Джейн приходила к нему каждое утро и, усевшись в кресло, внимательно выслушивала все, что Герберт успел написать за ночь.

О нем и о Джейн очень скоро заговорила вся Англия: его личная жизнь стала не меньшей сенсацией, чем романы, даже для весьма привычного к свободным нравам богемного мира. Новый век тридцатичетырехлетний Герберт Уэллс, недавний полуголодный учитель младших классов, встречал прочно вошедшим в моду писателем, домовладельцем, обеспеченным человеком и законченным донжуаном.

За те двенадцать лет, что они прожили вместе, Джейн Уэллс приучила себя не обращать внимания ни на что, кроме главного в своей жизни: Герберт с нею и рад этому. А в том, что мистер Уэллс каждый раз рад возвращению домой, не было никаких сомнений. Достаточно взглянуть в его сверкавшие озорным блеском глаза, увидеть, с каким нетерпением, улегшись на пол детской прямо в выходном костюме, он под восторженные крики сыновей принимался сдирать шуршащую оберточную бумагу с привезенных из Лондона кубиков.

Перестав быть любовницей Уэллса, она оставалась его незаменимой помощницей - переписывала рукописи, делала для него конспекты нужных книг, вела деловую переписку мужа. Именно Джейн первой прочитывала все, что он написал. В том числе и роман **«В дни кометы»**, вышедший в свет в 1908 году.

Странный это был роман. На первый взгляд речь в нем шла о столкновении Земли с кометой и последствиях этого события. Но и Джейн, и Герберт знали, что дело тут не в комете. Не ради кометы писал Герберт свою книгу. Рассказывая историю Нетти Стюарт, полюбившей двух юношей, Уэллс впервые отважился высказать мысль, чрезвычайно занимавшую его уже не первый год: мысль о возможности существования особого чувства, позволяющего любить сразу двоих, а заодно и жить всем вместе, троим, а если случится, то и четвером. В сущности, именно так они с Джейн и жили уже несколько лет.

Скандал в благородном семействе

Одно время любовницей Уэллса была **Вайолет Хант**, потом **Дороти Ричардсон**, потом **Розамунда Бланд**. Бывало, любовницы Герберта гостили в их с Джейн доме на правах «друзей семьи».

Вскоре после выхода романа о комете «третьим лицом» в их семье стала **Эмбер Ривс**. Будучи на двадцать лет моложе Уэллса, она ко всему прочему была дочерью весьма заметной на столичном небосклоне фигуры - директора Лондонской школы экономики и политики **Уильяма Пембера Ривса**.

Скандал разгорелся нешуточный. Дело осложнилось еще и беременностью Эмбер. И тогда Уэллс дрогнул. Его викторианское воспитание, о котором он много лет не вспоминал, теоретизируя над вопросом группового брака, железной рукой взяло его за горло. В страшной спешке, даже не посоветовавшись с женой, он продал свой любимый «дом будущего», свой Спейд-хауз, который он когда-то сам продумал во всех деталях и который столько лет с такой любовью обустроивал вместе с Джейн.

Купив жене и детям отдельный дом в Лондоне, он намеревался навсегда остаться во Франции с Эмбер. Но, как и когда-то Джейн, Эмбер Ривс оказалась мудрее своего возлюбленного. Только в отличие от Джейн она не пожелала становиться «Идеальной женщиной Герберта Уэллса», отлично сознавая, что ей, порывистой, решительной и своевольной, такая задача не по плечу. Беременная мисс Ривс оставила Уэллса и спешно вышла замуж за своего давнего поклонника.

Примирившись с ее решением, Уэллс выписал из Лондона жену и сыновей. Самым удивительным было то, что Джейн приехала без промедления и, поселившись в доме, где Уэллс совсем недавно скрывался со своей беременной любовницей, как ни в чем не бывало каждое утро приходила послушать новые главы из романа *«История мистера Полли»*, над которым Герберт тогда работал.

«Джейн была удивительна», - написал он впоследствии, вспоминая то время.

Больше Уэллс никогда не пытался расстаться с женой. Хотя по-прежнему продолжал заводить шумные романы на стороне и даже нажил еще одного внебрачного ребенка с журналисткой **Ребеккой Уэст**.

История с Эмбер как будто открыла Уэллсу глаза на себя самого. Ему по-прежнему хотелось стать провозвестником будущего во всем: в творчестве, в фантазиях, в обустройстве собственного жилища, в любви и даже в способах продажи своих романов.

Потеря равновесия

Прошлое бромлейского лавочника, с которым Уэллс, казалось, так давно и прочно порвал, жило в нем помимо воли. Обрубив путы, связывавшие его с этим прошлым, он словно лишился центра тяжести и постоянно раскачивался из стороны в сторону, как беспомощная неваляшка. Даже будучи более чем обеспеченным человеком, он не мог перестать склочничать, выбивая из своих издателей каждый лишний фунт.

- *Я не позволю обворовывать меня! Слышите? Не позволю!* - кричал Герберт Уэллс в кабинете своего издателя сэра **Фредерика Макмиллана**. - *Вам придется оставить свои аристократические замашки и потрудиться как следует! Потрудиться, милый мой, потрудиться, как трудятся простые люди! Или вы умеете только стричь купоны с отцовского состояния? Я найду на вас управу! Вы еще пожалеете...*

Не окончив своей угрозы, гость резко вскочил со стула и, не прощаясь, выбежал вон, сильно хлопнув дверью.

Стараясь сдержать разрывавшее его бешенство, Фредерик Макмиллан, владелец крупнейшего английского книжного издательства, смял листок, оставленный на столе ушедшим визитером, и с брезгливой яростью швырнул комок бумаги в стоявшую рядом корзину.

- *Плебей! Взбесившийся лавочник!* - процедил издатель. - *«Предложения по улучшению продаж моего нового романа...» Хм...*

Как всегда, после визитов писателя Герберта Уэллса сэра Фредерик Макмиллан был сам не свой. Подумать только! Этот наглец смеет его учить! Его, председателя корпорации английских издателей!

«Нанять не менее двух десятков «сэндвичменов», расставив их у крупнейших книжных лавок, расклеить рекламные плакаты на станциях метро, не реже чем три раза в неделю давать в вечерних газетах объявление, начинающееся со слов: «А ты уже прочитал новый роман Уэллса?», разбросать в ресторанах, отелях, магазинах рекламные листовки о новом романе...»

И с каким апломбом Уэллс излагал всю эту галиматью! Неужели он настолько глуп, что мог предположить, будто Фредерик Макмиллан согласится хотя бы на один из подобных дешевых американских трюков? Ведь это просто позор, позор для их уважаемого и респектабельного издательства: книги, выпускаемые предприятием Макмиллана, не нуждаются в рекламе, потому что за ними стоит репутация почтенной фирмы. И сэр Фредерик предпочтет потерять в доходах, нежели опустится до откровенного торгашества.

Да и самому-то Уэллсу зачем так унижаться? Тиражи его романов давно исчисляются тысячами экземпляров, и Макмиллан добросовестно выплачивает автору четверть от продажной цены каждой книги. Но всякий раз, сдавая в печать новый роман, Уэллс принимается торговаться за каждый шиллинг... Нет, уж если кто родился лавочником, лавочником и умрет...

Так думал Макмиллан в то время, как мистер Уэллс изо всех сил старался выбросить его из головы. И издателя, и его издательство и свою очередную неудачную эскападу, во время которой он так искренне старался дать Макмиллану несколько весьма, на его взгляд, удачных коммерческих советов.

Черт побери! Ну почему он опять не смог выдержать достойный тон? Ему следовало быть настойчивым и твердым, а вместо этого он, как это уже не раз бывало, сорвался на крик! А ведь отлично знает, что Макмиллан и так старается как можно реже приглашать его на приемы, которые издательство устраивает для авторов и партнеров, опасаясь, что Уэллс своими дурными манерами и задиристым характером нарушит царящую на этих раутах благостно-церемонную атмосферу.

Будь они прокляты, все эти аристократы, кичащиеся своими благородными манерами и холодной сдержанностью! Они и понятия не имеют о том, что значит жить на одну гинею в неделю...

Интересно, что скажет этот надутый индюк Макмиллан, если Уэллс надумает поменять издателя? Что ни говори, а сегодня в Англии он - один из самых модных писателей.

Торгуясь за гонорары, Уэллс тут же с легкостью и даже некоторой помпой тратил деньги, устраивая в своем доме целые фестивали, на которые собирались десятки его друзей с женами и детьми. Гостей Уэллс обожал и, купив автомобиль, сам отправлялся встречать их на станцию.

Гости и не догадывались, что водить машину он практически не умеет, и лишь недоумевали, почему хозяин везет их не через главные ворота, а дальней окружной дорогой. А Уэллс просто не в состоянии был вовремя затормозить перед воротами, а потом боялся дать задний ход.

Он и в жизни очень часто проскакивал те ворота, в которые ему следовало войти, и добирался к цели кружным путем. Чем дальше уходило от него прошлое, тем чаще он возвращался к нему. В 1934 году Уэллс опубликовал двухтомный **«Опыт автобиографии»**, где удивительно тепло вспоминал и своего непутевого отца, и не в меру упрямую матушку, и Изабеллу с ее комодами, и даже старшего администратора мануфактурного магазина Джона Кея, которого назвал «превосходным человеком».

Однако выпустить третий том автобиографии, посвященный его любовным похождениям, он «постеснялся», объяснив свою скромность тем, что женщины, о которых идет речь, еще живы, и он не вправе их компрометировать.

Последняя любовь

Мария Игнатьевна Закревская, Мария Бенкендорф, баронесса Будберг или просто Мура - секретарша Горького, ставшая для Герберта одновременно и переводчицей, и преданным человеком, и проводником по лабиринту перевернутой вверх дном российской действительности. Именно она сопровождала Уэллса все дни, проведенные в Петрограде.

Она пришла к нему ночью, когда до отказа набитая людьми квартира Горького на Кронверкском проспекте наконец затихла. Это была последняя питерская ночь Уэллса. В следующий раз они встретились спустя почти десять лет в Берлине. Джейн к тому времени уже умерла.

Стоический подвиг под названием «брак с Гербертом Уэллсом» обошелся ей слишком дорого: в октябре 1927-го ее сгубил рак. Присутствовавшие на ее похоронах были потрясены тем, как тяжело переживал смерть жены неисправимый ловелас Уэллс. Было ясно, что остроту его горя питает сознание собственной вины перед Джейн.

Впрочем, отмщение не заставило себя ждать. Лежа в кабинете на своем любимом диване, Герберт вглядывался в темноту широко раскрытыми глазами... Три дня назад он сказал Муре, что собирается подыскать себе жилище вблизи Ридженспарка, и единственное, чего он еще хочет от жизни в свои без малого семьдесят лет, это видеть ее хозяйкой нового дома. В ответ Мура вернула ему ключ от его квартиры на Чилтерн-корт.

Эта женщина не поддавалась ему. Сотни раз за восемь лет их романа они сливались вместе так тесно, что ему казалось: нет силы, способной разорвать эту связь. А потом... Потом Мура, не желая возиться с крючками и пуговицами, заворачивала свое белье в первую подвернувшуюся под руки газету и, горделиво неся свой сверток под мышкой, усаживалась в такси. Точно так же, спокойно и невозмутимо, как когда-то он уезжал из их общего с Джейн дома на поиски новых приключений...

И вот теперь от него самого в очередной раз уезжала любимая женщина, увозя с собой то, чем ему хотелось обладать больше, нежели ее телом: свою загадочную и непостижимую душу. Герберт не мог открыто обвинить ее в измене, хотя частые отлучки Муры то к жившим в Эстонии детям, то к хворавшему в Москве Горькому казались ему несколько странными, особенно после того, как стало ясно, что она сообщает ему не все детали своих путешествий.

Терзаясь ненавистью к себе, всю жизнь презиравшему ревность, он мучился подозрениями и устраивал ей отвратительные допросы. Но Мура только улыбалась в ответ - нежно и немного лукаво. Почти так же, как когда-то улыбалась ему Джейн. Казалось, ей совершенно безразлично даже финансовое благополучие, которое сулил брак с Уэллсом. Проведя с ним несколько недель на каком-нибудь фешенебельном курорте, Мура как ни в чем не бывало возвращалась к суматошному, нелепому и полунищему быту лондонской эмигрантской колонии.

Промучившись два месяца, он все-таки вручил ей ключ от своей новой квартиры на ХанOVER-террас. С холма, на котором стоял дом, был виден Ридженспарк, где они с Мурой часто гуляли... Она так и не вышла за Герберта замуж, хотя все же не оставляла его, скрашивая одиночество дряхлеющего Уэллса, когда ей самой того хотелось.

«Уэллс очень занят. Он умирает»

Великий фантаст пережил свои фантазии. Война в воздухе, описанная им когда-то в одноименном романе, меркла перед бомбардировками Лондона, которые Уэллс, впрочем, воспринимал с меланхолическим равнодушием, отказываясь спускаться в бомбоубежище.

Женщины, некогда утверждавшие, что его тело пахнет медом, больше не интересовались Гербертом, и только бывшая секретарша **Марджори Крэг**, ставшая женой

его старшего сына **Джипа**, заботилась о том, чтобы старик вовремя получал лекарства и свой пятчасовой чай с медовыми крендельками.

Почувствовав приближение смерти, писатель перестал подходить к телефону, велел отвечать: «*Уэллс очень занят. Он умирает*», однако прожил после этого еще два года. Он скончался 13 августа 1946 года. Согласно завещанию прах Уэллса был развеян над Ла-Маншем.

Однако как ни извилист был жизненный и творческий путь Уэллса, как ни значительны бывали его заблуждения, в историю литературы он вошел как наследник традиций английского критического реализма, а в нашей памяти так и остался любимым писателем детства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Андреев К.** Предисловие // Уэллс Г. Избранные научно-фантастические произведения в трех томах. - М.: Молодая гвардия, 1956. - Т. 1. - Стр. 3-38.
2. **Бестужев-Лада И. В.** Герберт Уэллс как социолог // Социологические исследования - 2008. - № 11. - Стр. 128-134.
3. **Варьяш А.** Герберт Уэллс: Неприличные шалости английского джентльмена / А. Варьяш // Караван историй. - 2004. - №12. - Стр. 242-265.
4. **Кагарлицкий Ю.** Герберт Уэллс. - М., 1963
5. **Левцова И. М. Парчевская Б. М.** Г. Дж. Уэллс. - М., 1966.
6. **Перепелицын К.** Английская фантастическая литература. - М., 1982.
7. **Свердлов М.** Мрачный диагноз Уэллса / М. Свердлов // Литература (Первое сентября). - 2003. - 1-7 мая. - Стр. 2-3.
8. **Успенский Л.** Записки старого петербуржца. - Л., 1970. - Стр. 346-377.
9. **Фантасты века уходящего: Сборник статей и очерков.** - М., 1990.
10. **Шенкман В.** Люди-невидимки / В. Шенкман // Литература (Первое сентября). - 2008. - 1-15 дек. - Стр. 34-35.